

АГНОНИМИЧНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ *ВЫРӐС*

*Чуваши́йский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Работа посвящена изучению чувашских агнонимичных словосочетаний с компонентом *вырӐс* 'русский'. Автором семантизированы сочетания *вырӐс мӑянӗ* букв. русская лебеда, *вырӐс тир(ӗ)* букв. русская ткань, *вырӐс тиҫиххи* букв. русский ремень, *вырӐс праҫникӗ* букв. русский праздник, *вырӐс пултранӗ* букв. русский борщевик, *вырӐс тотри* букв. русский платок, *вырӐсла тутӑр* букв. платок на русский лад, *вырӐсла пуртӑ* букв. топор на русский лад, *вырӐсла ҫава* букв. коса на русский лад. Данные фраземы обусловлены русскими реалиями и противопоставлены собственно чувашским денотатам.

Ключевые слова: абсолютные агнонимы, фраземы, семантика, семантизация, чувашский язык, языковые контакты.

Актуальность исследуемой проблемы. В чувашском языке существует ряд номинативных словосочетаний, первым компонентом которых выступает тот или иной этноним: *вырӐс апачӗ* 'завтрак (часов в 8-9 утра)' [15, с. 87], букв. русская еда; *вырӐс ут кӑйшкарӗ* 'щавель' [7, с. 76], букв. русский щавель; *вырӐс хуххи* 'свербига' [15, с. 87], букв. русский *хухӑ (?); *вырӐс хуххи кӗпҫи* 'свербига восточная' [7, с. 54], букв. растение с полым стеблем русского *хухӑ (?); *вырӐсарни* 'воскресенье' (< *вырӐс* 'русский' + *эрне* 'неделя'), букв. русский день недели;

калмак шӑрчӑкӗ диал. кузнечик [15, с. 137], букв. калмыцкий сверчок;

касак катки 'пожарная бочка', букв. казацкая кадка; *касак шывӗ* 'вода, приготовленная для тушения пожара', букв. казацкая вода; *касак яшки* диал. картофельный суп [15, с. 149], букв. казацкий суп;

майра йӗпти 'булавка', букв. игла русской женщины; *майра кайӑкӗ* 'канарейка', букв. птица русской женщины; *майра кӑмпи* 'сыроежка', букв. гриб русской женщины; *майра кӗпҫи* 'свербига' [15, с. 224], букв. растение с полым стеблем русской женщины;

нимӗҫ пӑрҫи 'бобы' [15, с. 257], букв. немецкий горох;

пушкӑрт мӑйӑрӗ 'грецкий орех' [15, с. 321], букв. башкирский орех;

© Фомин Э. В., 2016

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары, Россия; e-mail: yeresen@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2016

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-04-00045.

тотар кёпси ? [7, с. 174], букв. татарское растение с полым стеблем; *тутар пуçё* ? [7, с. 131], букв. татарская голова (не татарник?).

Если в случае с лексико-фразеологическими единицами *вырӑс апачё*, *вырсарни*, *касак катки*, *касак шывё*, а также фраземами с компонентом *майра* основы номинации так или иначе понятны – перечисленные названия в чувашском языке сформировались под русским влиянием или в результате сравнения с элементами русской культуры (см., например, [1, с. 94], [8], [11, т. 1, с. 138]), в остальных случаях обусловленность, лежащая в основе наречения объектов, остается все еще неизвестной.

В настоящей работе предпринимаются попытки семантизации абсолютных агнонимов-фразем с этнонимом *вырӑс* ‘русский’. Это достаточно заметная и выразительная группа агнонимов с отэтнонимным компонентом.

Материал и методика исследований. В «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина неуверенной семантикой отмечен ряд словосочетаний с компонентом *вырӑс*: *вырӑс мӑянё*, *вырӑс пир(ё)*, *вырӑс пиçиххи*, *вырӑс праçникё*, *вырӑс пултранё*, *вырӑс тотри*, *вырӑсла тутӑр*, *вырӑсла пуртӑ*, *вырӑсла çава* [2], см. также [9]. Их семантизацию целесообразно провести методами ближней этимологии и путем анализа иллюстративного материала с обращением к широкому этнографическому контексту. Опыты по исследованию лексики с проблемным значением показали, что «семантизацию абсолютных агнонимов в составе фразеологических единиц (равно фразем. – Э. Ф.) производить проще по сравнению, например, с однокомпонентными агнонимами, зафиксированными изолированно, без контекста, при этом самим материалом обеспечивается гарантия высокой объективной результативности» [14, с. 91].

Результаты исследований и их обсуждение. Современные подходы к исследованию чувашско-русских языковых контактов прежде всего ставят целью изучение периферийных лексических явлений, в частности абсолютных агнонимов (см, например, [12], [13]). Среди агнонимичной лексики русского происхождения в особую группу выделяются словосочетания внешне чувашские, но внутренне обусловленные русским участием – фраземы с компонентом *вырӑс*. Они являются словосочетаниями с семантически прозрачными и синтаксически свободными компонентами, созданными в недавнем прошлом в самом чувашском языке.

Вырӑс мӑянё – название растения. *Вырӑс мӑянё ана çинче, анкартинче навус таврашёнче үсет*. ‘*Вырӑс мӑянё* растет на загоне, в огороде рядом с навозной кучей’ (здесь и далее перевод иллюстративного материала наш. – Э. Ф.). *Вырӑс мӑянё, шултӑра хура мӑян*. *Вӑрман уснӑ çемсе çёрсенче пулать, тырӑ хушинче*. ‘*Вырӑс мӑянё* – крупная черная лебеда. Встречается на мягких чищобах, среди посевов’ [2, т. 5, с. 210].

Настоящее название зафиксировано в с. Раково и Альшеево Буинского района Татарстана, Кайсарово Ульяновской области без конкретизации значения. Контекстуальное описание самого растения недостаточно емко, чтобы по нему объективно установить денотат.

Ключ к загадкам семантики рассматриваемого фитонима в виде перевода на латинский язык, через который возможна безошибочная идентификация, содержится в самом же словаре в статье *мӑян*: «*Шопашкар (?) мӑянё (мӑянё), мӑн мӑян, шултӑра мӑян, вырӑс мӑянё* *Chenopodium urbicum* [2, т. 8, с. 289], иначе ‘марь городская’».

Обращает на себя внимание фразема *Шупашкар мӑянё* (букв. чебоксарская лебеда), среди прочих сопровождаемая и таким синонимичным сочетанием, как *вырӑс мӑянё*. Под ним подразумевается лебеда, произрастающая в условиях города. В итоге устанавливается интересный ассоциативный ряд: чебоксарский – городской – русский.

Квалификация *вырӑс мӑянӗ* в первом случае в качестве абсолютного агнонима и его открытая идентификация в последующем, видимо, связаны со спецификой работы над словарем. В тезаурусе Н. И. Ашмарина практикуется гнездовой способ размещения лемм, и при лексикографировании фразем материал, должный быть итоговым суммарным, разрывается между компонентами. Ко всему прочему необходимо иметь в виду, что тома готовились в разное время разными редакторами (о специфике работы над «Словарем чувашского языка» Н. И. Ашмарина подробнее см. [6]).

Вырӑс пир(ӗ) – ситец? *Асала-амала ывӑл-хӗр... вырӑс пирне питне шӑлат-ӗске.* ‘Дети, имеющие родителей... вытирают лицо *вырӑс пирӗ*’ [2, т. 5, с. 211]. *Вырӑс пирне вилсен тӑхӑнаҫҫӗ, ҫӑваш пирне пурӑннӑ чух тӑхӑнаҫҫӗ.* ‘*Вырӑс пирӗ* одевают после смерти, в обычной жизни ходят в чувашской холщовой одежде’ [3, с. 267].

В словаре Н. И. Ашмарина также приводится другой вариант названного агнонима, который сопровождается уверенным переводом на русский язык: *вырӑс пирри* ‘ситец’ [2, т. 5, с. 211].

Сочетания локализируются двумя зонами, не пересекающимися между собой, – чувашским селом Сунчелеево Аксубаевского района Татарстана (*вырӑс пирӗ*) и д. Шибачево Чебоксарского района Чувашской Республики (*вырӑс пирри*). Сам факт независимого повторения агнонима – важный показатель его неслучайности.

В чувашском языке для обозначения ситца используется русское заимствование, представленное в вариантах *ситса*, *ситсӑ* с дополнительным значением ‘розовый’ (*ситсӑ хут* ‘розовая бумага’, *ситсӑ чечек* ‘розовый цветок’), *ситсӑв*, *ситсу*. Кроме того, имеются имена прилагательные *ситсӑви* ‘ситцевый’, *ситсӑвай* ‘ситцевый, розовый’ [2, т. 12, с. 189–190].

Чувашское название обусловлено проникновением в среду чувашей, видимо, ивановских, т. е. русских, ситцев, создававшихся из холста и миткаля и сопровождавшихся набивным рисунком, что не присуще технологии собственно чувашских тканей. Таким образом, *вырӑс пир(ӗ)* означает цветастую холщовую или миткалевую ткань фабричного производства – ситец.

Вырӑс пиҫиххи – ременный пояс? [2, т. 5, с. 211], букв. русский пояс. Сочетание зафиксировано без контекста в д. Шурут-Нурсово Комсомольского района Чувашской Республики.

Название пояса, локально названного чувашами русским, имеет историческое обоснование. В связи с запретом в XVII–XVIII вв. металлообработки в среде народов Поволжья чувашский костюм предполагал ношение тканых поясов, заместивших ремни с металлическими накладками. Последние проникли в чувашскую культуру из русской, в которой считались одним из символов мужественности.

Ограниченный ареал и агнонимичный статус *вырӑс пиҫиххи* обусловлены наличием общечувашского *чӗн пиҫиххи* (*чӗн пиҫи*) ‘ремень, ременный пояс’, букв. кожаный пояс.

Вырӑс праҫникӗ – какой-то праздник в начале сентября [2, т. 5, с. 211]. Название паспортизируется русско-чувашским селом Савруши Аксубаевского района Татарстана.

Под *вырӑс праҫникӗ*, скорее всего, подразумевается древний русский праздник прощания с летом и встречи осени, приходившийся на 8 (21) сентября, – осенины [5, т. 2, с. 1141]. В чувашской культуре осенинам соответствует *кӗр сӑри*.

Вырӑс тотри (1), **вырӑсла тутӑр** (2) 1. Род платка. *Вӑштин-вӑштин* (‘развевается от ветра’) *вырс тотри тытнӑ-тытман шоралчӗ.* ‘Русский платок, развевающийся от ветра, очень быстро поблек’. *Вырӑс тотри.* ‘Платок’ [2, т. 5, с. 211]. 2. Название платка.

Пысăк вырăсла тутăр пĕркенсе чăлана кĕрсе ларать. ‘Набросив на себя большой русский платок, засел в чулане’ [2, т. 5, с. 210]. Данные сочетания отмечены в д. Шербаша Моргаушского (1) и Среднее Юмашево (Систеби) (2) Урмарского районов Чувашии.

Однозначный конкретный перевод при первом агнониме (*вырăс тотри* ‘платок’) не снимает вопроса о необходимости дополнительных семантических изысканий, ибо определение *вырăс(ла)* представляется не случайным, а противопоставляющим русские платки чувашским. Вероятно, название обусловлено необходимостью обозначить русские платки фабричного производства. Подобная номинация наблюдалась и в случае с *вырăс тир(ĕ)* (см. выше).

Вырăсла пуртă – название какого-то топора. *Мĕшĕн шавлат çав вĕрман?* – *Вырăсла пуртă касасран.* ‘Почему шумит тот лес? – Не хочет, чтобы его вырубил с помощью *вырăсла пуртă*’. *Вырăсла пуртă аври кут хыçĕнчех.* ‘Рукоятка *вырăсла пуртă* за спиной’ (поговорка) [2, т. 5, с. 210], [2, т. 9, с. 311].

Агноним зафиксирован в двух не сообщающихся между собой местностях: в с. Сунчелеево Аксубаевского района Татарстана и д. Нижние Сунары Ядринского района Чувашской Республики.

Согласно контексту фраза *вырăсла пуртă* должна называть лесорубный топор, т. е. толстый топор с длинной рукояткой и тяжелым обухом, увеличивающими силу удара при рубке. Частично справедливость данного предположения подкрепляется содержанием поговорки (поговорки?), имеющей угрожающе-предупреждающий смысл – рукоятка лесорубного топора длинная и крепкая, что делает его удобным для возможного удара.

Вырăсла çава – род косы. *Пирĕн çави вырăсла.* ‘Наша коса на русский лад’ [2, т. 5, с. 210]. *Унăн çави вырăсла; пĕр çавĕрса кастарсан ик ытам çитес çук.* ‘Его коса на русский лад; один взмах, и [сена] не обхватить двумя руками’ [2, т. 12, с. 7].

В словаре Н. И. Ашмарина не уточняется, какая именно коса чувашами называлась косой на русский лад. Скорее всего, данное название имеет атавистичный характер: *çава* ‘горбуша’ → *вырăсла çава* ‘литовка’ (заимствованная чувашами у русских после присоединения края к Московскому государству) → *çава* ‘коса’. «Вместе с русскими появилась в крае соха, более простая и удобная в обращении, чем местный сабан, появился русского образца серп, коса вместо горбуши, цеп вместо разминания колосьев ногами лошадей или волокущимися камнями и т. д.» [4, с. 76].

Вырăс пултранĕ – название растения [2, т. 5, с. 211], букв. русский борщевик. Фраза зафиксирована в с. Ньюшкасы Янтиковского района.

Растений из рода борщевиков насчитывается более 40, и ни один из них не имеет прямых оснований быть названным русским, в отличие от *вырăс мĕянĕ*. Ситуация осложняется, если принять во внимание чувашизм *бодран* ‘борщевник’, бытующий в русском языке [10, т. 1, с. 184]. Скорее *бодран (пултран)* в русском контексте имеет больше оснований быть названным чувашским, нежели наоборот. Борщевик по настоящее время является востребованным продуктом чувашской национальной кухни.

Ко всему прочему, *вырăс пултранĕ* не обязательно называть именно разновидность борщевика. Иногда в чувашском языке встречаются дезориентирующие названия, например *суккăр вĕлтрĕн* ‘глухая крапива’ (букв. слепая крапива), как в чувашском, так и в русском восприятии с настоящей крапивой ассоциируется лишь благодаря внешнему сходству; та же обусловленность наблюдается в фитонимах *тĕклĕ пĕрçа* ‘вика’ (букв. волосатый горох), *шйши куришанакĕ* ‘чернокорень лекарственный’ (букв. мышинный репейник) и др. [7, с. 126–127].

Резюме. Абсолютные агнонимы чувашского языка с первым компонентом *вырӑс*, созданные методом синтаксической деривации, указывают на происхождение называемых ими предметов: *вырӑс тирӗ*, *вырӑс пиçси*, *вырӑс пуртти*, *вырӑсла çава* – предметы промышленного производства, которые пришли в чувашскую среду с русских территорий. Таким образом, они противопоставляются собственно чувашским предметам домашнего производства.

Сложные случаи являют агнонимы, называющие русскими некоторые растения (*вырӑс мӑянӗ*, *вырӑс пултранӗ*). Каждое из названных растений располагает большим разнообразием видов. Какие из них и на каких основаниях получили определение *русский*, сказать невозможно. В случае с *вырӑс мӑянӗ* в вариативной словарной статье *мӑян* приводится его латинское название, которое позволяет идентифицировать растение как городскую лебеду, т. е. лебеду, растущую в городских условиях. В итоге у компонента *вырӑс* в чувашском языке проявляется другое интересное значение, еще не зафиксированное в словарях, – городской.

Примечательно, что некоторые названия (*вырӑс тирӗ*, *вырӑсла пуртӑ*) возникли одновременно в разных местах независимо друг от друга. Настоящий факт свидетельствует о распространенности и устойчивости обуславливающего предмета в чувашской среде и его однотипном восприятии всеми представителями чувашского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н. А. О характере заимствований в чувашском языке // Ученые записки. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1955. – Вып. 12. – С. 75–107.
2. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 томах. – Чебоксары : Руссика, 1994–2000.
3. Ваттисен сӑмахӑсем / пухса хатӗрленӗ, ум сӑмахпа ӗнлантарусене çыраканӗ О. Н. Терентьева; Чӑваш патшалӑх гуманитарнӑ ӗслӗлӗхӗсен институчӗ. – Шупашкар : Чӑваш кӗнеке издательстви, 2007. – 493 с.
4. Воробьев И. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. – 1950. – № 3. – С. 66–78.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4-х т. – М. : Астрель ; АСТ, 2004.
6. Дегтярев Г. А. Н. И. Ашмаринӑн вун сичӗ томӑ словарьне хатӗрлесе кӑларнин историйӗ // Чӑваш халӑх историйӗпе культурин сивӗч ыйтӑвӑсем. – Шупашкар, 2011. – 1-мӗш кӑларӑм. – С. 35–51.
7. Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений (сравнительно-исторический и ареальный аспекты). – Деврецен : Изд-во Деврецен. ун-та, 2000. – Вып. 1. – 211 с.
8. Лебедева Е. А. Чӑвашсен вӑхӑт виçисем // Ялав. – 1989. – № 6. – С. 29.
9. Материалы для словаря агнонимов чувашского языка / сост. Э. В. Фомин. – Чебоксары : Пегаз, 2013. – 270 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. – 3-е изд., стереотип. – СПб. : Азбука, 1996.
11. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитарн. наук, 1996.
12. Фомин Э. В. Агнонимы русского происхождения в чувашском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 10. – С. 128–132.
13. Фомин Э. В. К проблеме абсолютных агнонимов русского языка // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 4(88). – С. 73–77.
14. Фомин Э. В. Семантизация фразеологически связанных агнонимов чувашского языка // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 89–92.
15. Чӑвашла-вырӑсла словарь = Чувашско-русский словарь. – 2-мӗш кӑларӑм / М. И. Скворцов редакциленӗ. – Мускав : Русский язык, 1985. – 712 с.

AGNONYMIC COMBINATIONS OF THE CHUVASH LANGUAGE WITH THE *ВЫРӐС* COMPONENT

Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia

Abstract. The study is dedicated to the Chuvash agnonymic word combinations with the component *вырӑс* 'Russian'. The author attempts to semanticize the following combinations: *вырӑс мӑянӗ* lit. Russian atriplex; *вырӑс пир, вырӑс пирӗ* lit. Russian cloth; *вырӑс пиçиххи* lit. Russian strap; *вырӑс праçникӗ* lit. Russian holiday; *вырӑс пултранӗ* lit. Russian heracleum; *вырӑс тотри* lit. Russian kerchief; *вырӑсла тунӑр* lit. Russian style kerchief; *вырӑсла пуртӑ* lit. Russian style axe; *вырӑсла çава* lit. Russian style scythe. These phrases are due to the Russian realities and contrasted with the Chuvash denotations.

Keywords: *absolute agnonyms, phrasemes, semantics, semantization, Chuvash language, language contacts.*

REFERENCES

1. *Andreev N. A.* O karaktere zaimstvovaniy v chuvashskom jazyke // Uchenye zapiski. – Cheboksary : Chuvash. gos. izd-vo, 1955. – Vyp. 12. – S. 75–107.
2. *Ashmarin N. I.* Slovar' chuvashskogo jazyka : v 17 tomah. – Cheboksary : Russika, 1994–2000.
3. *Vattisen sãmahẽsem / puhsa hatẽrlekenẽ, um sãmahpa ãnlantarusene çyrananẽ O. N. Terent'eva; Chãvash patshalãh gumanitari ãslãlãhẽsen institutẽh.* – Shupashkar : Chãvash kẽneke izdatel'stvi, 2007. – 493 s.
4. *Vorob'ev I. I.* Jetnogenez chuvashskogo naroda po dannym jetnografii // Sovetskaja jetnografija. – 1950. – № 3. – S. 66–78.
5. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: sovremennoe napisanie : v 4-h t. – M. : Astrel' ; AST, 2004.
6. *Degtjarev G. A. N. I.* Ashmarinãn vun çichẽ tomlã slovar'ne hatẽrlese kãlarin istorijẽ // Chãvash halãh istorijẽpe kul'turin çivẽch yjtãvẽsem. – Shupashkar, 2011. – 1-mẽsh kãlarãm. – S. 35–51.
7. *Dmitrieva Ju.* Chuvashskie narodnye nazvanija dikorastushhih rastenij (sravnitel'no-istoricheskij i areal'nyj aspekty). – Debrecen : Izd-vo Debrecen. un-ta, 2000. – Vyp. 1. – 211 s.
8. *Lebedeva E. A.* Chãvashsen vãhãt viçisem // Jalav. – 1989. – № 6. – S. 29.
9. *Materialy dlja slovarja agnonimov chuvashskogo jazyka / sost. Je. V. Fomin.* – Cheboksary : Pegas, 2013. – 270 s.
10. *Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4-h t. – 3-e izd., stereotip. – SPb. : Azbuka, 1996.
11. *Fedotov M. R.* Jetimologicheskij slovar' chuvashskogo jazyka : v 2-h t. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitarn. nauk, 1996.
12. *Fomin Je. V.* Agnonimy russkogo proishozhdenija v chuvashskom jazyke // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 10. – S. 128–132.
13. *Fomin Je. V.* K probleme absoljutnyh agnonimov russkogo jazyka // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2015. – № 4(88). – S. 73–77.
14. *Fomin Je. V.* Semantizacija frazeologicheski svjazannyh agnonimov chuvashskogo jazyka // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2014. – № 3. – S. 89–92.
15. *Chãvashla-vyrãsla slovar' = Chuvashsko-russkij slovar'.* – 2-mẽsh kãlarãm / M. I. Skvorcov redakcilenẽ. – Muskv : Russkij jazyk, 1985. – 712 s.

© Fomin E. V., 2016

Fomin, Eduard Valentinovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia; e-mail: yeresen@yandex.ru

The article was contributed on June 09, 2016